

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9 (470)

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-620-628>

Шифр научной специальности 5.1.4

Основание уголовно-правовой охраны (или к вопросу о криминализации деяния в уголовном праве)

© ХИЛЮТА Вадим Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», Республика Беларусь, 230029, г. Гродно, ул. Ожешко, 22, <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, tajna@tut.by

Аннотация

Рассмотрен вопрос о сущности криминализации в уголовном праве. Определены векторы развития криминализации общественных отношений. Цель исследования: определить критерии криминализации общественных отношений в современных условиях и охарактеризовать систему мер уголовно-правового воздействия в структуре уголовного права. При проведении исследования использовались традиционные методы социально-правового и формально-догматического анализа: документальный, историко-правовой, аналитический, системный, логический. По результатам исследования констатируется, что уголовное право классического типа вытесняется уголовным правом утилитарного типа, где понятие преступления связано с причинением вреда, а общественная опасность играет вспомогательную функцию. В системе мер безопасности общественная опасность деяния не формирует уголовно-правовой запрет. В основе криминализации лежит элемент целесообразности, где главное значение придается праву безопасности. Уголовное право безопасности имеет своей целью воздействие на лицо, которое еще не совершило общественно опасного деяния, и это не является преступлением в классическом понимании. В такой модели не характер и степень причиненного вреда наполняют преступление, а общественная опасность личности, поскольку именно субъект является источником конкретного общественно опасного поведения. Предлагается в уголовном законе закрепить идею новой социальной защиты и безопасности.

Ключевые слова

общественная опасность, криминализация, уголовно-правовое воздействие, преступление, уголовное право, уголовная ответственность, безопасность

Для цитирования

Хилюта В.В. Основание уголовно-правовой охраны (или к вопросу о криминализации деяния в уголовном праве) // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 620-628. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-620-628>

Basis of criminal legal protection (or to the issue of criminalization of a deed in criminal law)

© **Vadim V. KHILYUTA**,

Dr. habil. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko St., Grodno, 230029, Republic of Belarus, <https://orcid.org/0000-0001-7872-949X>, tajna@tut.by

Abstract

The issue of the essence of criminalization in criminal law is considered. The vectors of criminalization of social relations development are defined. The aim of the research: to determine the criteria of criminalization of social relations in modern conditions and characterize the system of criminal law measures in the structure of criminal law. When conducting the research, traditional methods of socio-legal and formal-dogmatic analyses are used: documentary, historical and legal, analytical, systemic, logical. According to the study results, we state that criminal law of the classical type is replaced by criminal law of the utilitarian type, where the concept of crime is associated with the infliction of harm, and public danger plays an auxiliary function. In the system of security measures, the public danger of a deed does not form a criminal-legal prohibition. Criminalization is based on the element of expediency, where the main importance is given to security law. Criminal security law aims to affect a person who has not yet committed a socially dangerous act, and this is not a crime in the classical sense. In such a model, it is not the nature and extent of the harm caused that fills the crime, but the social danger of the person, since it is the subject that is the source of a particular socially dangerous behavior. It is proposed to fix the idea of new social protection and security in the criminal law.

Keywords

public danger, criminalization, criminal-legal impact, crime, criminal law, criminal responsibility, security

For citation

Khiluta, V.V. (2023). Basis of criminal legal protection (or to the issue of criminalization of a deed in criminal law). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 620-628 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-620-628>

Введение

Жизнь уголовного права начинается с криминализации, однако для того чтобы криминализировать определенный тип поведения, должны быть веские основания. В настоящий момент в постсоветской системе права сама постановка вопроса о криминализации определенного поведения и объявления его преступным непременно завязана на понимании того, что есть общественная опасность и какое значение она играет при установлении уголовной ответственности за то или иное поведение. Однако на самом деле простая аксиома относительно того, что то или иное поведение должно быть общественно опасным для того, чтобы оно превратилось в преступление, не снимает и не решает проблемы по поводу того, какое это все-таки должно быть поведение (деяние) [1, с. 45].

Итак, основной вопрос, который разрешает уголовное право, находится в плоскости оснований и пределов уголовной ответственности. С этой целью уголовное право вынуждено изучать само деяние человека (его поведение) с тем, чтобы установить основания и критерии для того, чтобы подобное поведение объявлять преступным, характеризовать его вредоносные последствия и ту предполагаемую меру ответственности, которая могла бы быть справедливой.

Результаты исследования

В самом общем представлении криминализация представляет собой «процесс, посредством которого поведение и люди превращаются в преступления и преступников» [2, р. 8], то есть речь идет об установлении уголовной ответственности за конкретное

поведение человека¹. Здесь общий посыл рациональности действий государства может быть сведен к тому, что в обществе существует социально опасная форма поведения, которая может привести к нежелательным изменениям в жизни общества и причинить вред неограниченному кругу лиц, поэтому такое поведение должно быть запрещено под страхом наказания.

Криминализация или установление уголовно-правовой охраны предполагает превращение отношений в отрицательные, то есть определенные общественные отношения, которым причиняется вред в результате преступного посягательства, а это требует соответствующей защиты. Однако принятие решения о необходимости установления уголовно-правового запрета всегда связано с трудностями определения границ уголовного права и основаниями криминализации. Общий посыл состоит в том, что «если явление социальной жизни не имеет правовой формы, оно не может быть использовано в рамках правового поля. Наполнение правовым содержанием явлений общественной жизни происходит в рамках регулятивных отраслей права, где граждане используют свои возможности для удовлетворения необходимых потребностей в рамках закона. И только в случае возникновения ситуаций, когда необходимо воздействие на поведение граждан более репрессивными методами, стоит вести речь об уголовно-правовой охране» [3, с. 19].

Таким образом, утверждается, что элементом основания уголовно-правовой охраны выступает урегулированность общественных отношений позитивными отраслями права. Однако это не всегда так. И яркий

примеру тому ситуация, которая имела место с криптовалютой, когда в позитивном плане не был определен статус криптовалюты и не было законодательства, которое бы предусматривало его гражданско-правовой оборот. Между тем преступные посягательства на криптовалюту происходили, и зачастую криптовалюта использовалась в качестве средства или способа совершения иного преступления. Это, вместе с тем, не означало, что ввиду неурегулированности общественных отношений с данным объектом гражданского права уголовное право не могло задействовать свой собственный механизм реагирования, и посредством правоприменительного толкования криптовалюта стала рассматриваться как предмет, способ и средство совершения преступления задолго до того, как появились соответствующие нормы позитивного права, регулирующие процесс оборота данного объекта гражданских прав.

Следовательно, когда государство обсуждает вопрос о том, следует ли реагировать на источник вреда, криминализируя определенное поведение, которое его вызывает, не существует заранее установленных критериев, которые можно было бы применять при формулировании уголовно-правовой политики в данной области. У преступления нет онтологической реальности. Система уголовного правосудия реагирует на значительное число событий. Процесс криминализации определяет и классифицирует поведение человека. Он транслирует законы, чтобы ни у кого не было оправдания невежества, и избавляет от тех ситуаций, когда человек не хочет подчиняться нормам права. Однако сегодняшние тенденции и закономерности уголовного права свидетельствуют о том, что само уголовное право глубже проникает в социальные структуры современных обществ и устанавливает новые запреты [2]. Фактически можно констатировать, что борьба с преступностью превратилась в индустрию, но она остается неэффективной в обеспечении защиты всех своих граждан от возможного причинения им вреда.

На наш взгляд, все сентенции относительно того, что процесс криминализации должен соответствовать неким стандартным

¹ Тем не менее, в основе теории криминализации могут лежать несколько фундаментальных идей, которые будут предопределять процесс уголовно-правовой охраны. Это: психологическое принуждение, где за основу берется угроза уголовного наказания; правовое воспитание, имеющее своей целью формирование и поддержание определенного морального облика личности; юридический морализм, когда уголовное право является нравственным средством предотвращения социальных конфликтов; превентивная защита, где уголовный закон выступает в качестве первичного средства обеспечения безопасности государства и общества; социальный конструктивизм, рассматривающий уголовное право как модель социального управления и контроля над обществом, и др.

правилам, принципам, идеям и т. д., тщетны, поскольку это нельзя проверить каким-либо образом. Криминализацию определенной области общественных отношений всегда можно с легкостью подтвердить или опровергнуть, и чисто арифметические принципы здесь никогда не срабатывают, а весь процесс построен на целесообразности принятия решения и конъюнктурности ситуации. В данном случае не может быть универсальных правил и стандартов, так как в конкретно-исторические периоды представление о должном и сущем всегда меняется, как и общее понимание того, что является преступным, а что – нет.

Вообще, если посмотреть на указанную проблему реалистично, то мы в данном вопросе увидим, что общественная опасность не имеет под собой прочного юридического основания, она больше носит политический характер, поскольку оценка деяния дается в первую очередь исходя из того, какую уголовно-правовую политику проводит государство². И в таком ракурсе понятие общественной опасности всегда уязвимо, поскольку вся концепция общественной опасности при криминализации строится на предположении о возможном причинении вреда государству, обществу или личности. На деле же все обстоит гораздо проще. Наличие нетипичной формы социально опасного поведения заставляет государство проявлять свою волю и в целях минимизации причинения вреда объявлять определенную форму поведения человека преступлением.

Если выводить общественную опасность за рамки преступления и ставить ее

особняком, то получается, что мы судим о преступлении в рамках ценностного аспекта социальной действительности. Однако объективность существования общественной опасности ничем нельзя подтвердить. И если мы выделяем общественную опасность деяний из ряда других, то возникает закономерный вопрос: каким образом и на основании каких признаков это происходит? А ведь этот процесс имеет существенно значение при криминализации. В итоге, круг замыкается. Общественная опасность упирается во вред, фактически дублируя его. Но и вред тоже не объективен, зависит от многих обстоятельств, но в большей степени от правосознания законодателя. Поэтому любые ценности, которые призван охранять уголовный закон, символичны, живут убеждением в их действительности. Но если мы утверждаем о том, что преступление существует, значит и присутствуют ценности, которые подвергаются этому воздействию. Но эта модель условна. Она не доказывает объективной реальности общественной опасности, потому что именно человек наделяет категории «преступление», «вред», «ценности» и т. д. социальным смыслом.

С другой стороны, государство, формулируя процесс криминализации, всегда может взять на вооружение простой тезис: права и свободы человека должны быть защищены не только от возможного произвола со стороны государства, но и также от произвола со стороны конкретной личности. Поэтому идея прав и свобод человека может быть использована в качестве легитимного средства для оправдания ограничительных мер, необходимых для того, чтобы оградить само общество от опасных индивидов. Более того, сегодня нет ответа на вопрос о том, что лежит в основании прав и свобод человека, и почему именно эти ценности были отобраны из ряда других и вознесены в ранг «священной коровы». Следовательно, права и свободы человека – это не панацея, они могут использоваться и как средство криминализации, и как такое же средство ограничения этой самой криминализации.

Вообще мир питает большие иллюзии относительно защиты прав и свобод человека, ценностей общества и их отражения в уголовном праве. Все это есть, по большому

² Немаловажным обстоятельством является и то, как криминализация определенного деяния выглядит в глазах общества. Признание обществом необходимости осуществить криминализацию определенных отношений является психологическим основанием для государства и поводом к принятию соответствующих решений. Однако «определение пределов вмешательства уголовного закона в жизнь людей базируется на том, что охраняемые им ценности значимы не только для общества в целом, но и для конкретных индивидов, которые заинтересованы в охране признаваемых ими ценностей с применением правовых средств. Следовательно, криминализируемое деяние должно представлять угрозу как для общества в целом, так и для конкретных людей и восприниматься в общественном сознании как нуждающееся в уголовно-правовом запрете» [4, с. 155-156].

счету, лишь одна сторона медали – внешняя, указывающая на то, как должно быть в идеале, к чему мы должны стремиться. Но зачастую в итоге получается так, что права человека служат лишь прикрытием, а истинные цели совсем иные, и все это не отражает реальной картины происходящего. Государство всегда посредством проведения уголовно-правовой политики и декларируемых целей, которые связаны с защитой прав человека, может проводить совсем иную, связанную с безопасностью существующего строя и защиты интересов определенной группы лиц. В такой ситуации криминализация как средство уголовно-правовой политики может породить любой состав преступления, и он (новый состав преступления) всегда будет обоснован общественной опасностью. И если пренебрегать подобными мерами, то государство бросает вызов, и здесь всегда под лозунгами защиты прав и свобод человека могут проводиться самые разнообразные идеи, вплоть до смены конституционного строя и замены одних порядков другими. Однако и в этом случае уголовное право будет выступать в авангарде социально-политических событий, и одни уголовно-правовые запреты будут заменены на иные, то есть произойдет переформатирование уголовного права под нужды иной политической системы. Конечно, речь не идет в данном случае о хищениях, убийствах, насильственных преступлениях и т. д., природа которых не подвергается сомнению, хотя бы из принципа *malum in se*, речь идет о других преступлениях – *malum prohibitum*, граница противоправности которых всегда условна, и лишь проводимая уголовно-правовая политика в этом отношении определяет контуры уголовной ответственности и сферу действия самого уголовного права, включая пресловутый механизм уголовно-правового регулирования. Но такое уголовное право всегда будет перманентно, потому что идея целесообразности здесь не может быть статичной.

Вообще, вопрос о роли морально-нравственных запретов в процессе криминализации и установления границ уголовного права является ключевым. Никто не станет отрицать того, что существует некая важная связь между моральной неправомерностью и

соответствующим содержанием уголовного закона. Многие уголовные преступления, в том числе наиболее известные в общественном восприятии (такие как изнасилование, разбой, убийство, терроризм и т. д.), также являются моральными нарушениями. И трудно поверить в то, что их неправомерные черты также иногда не дают оснований для их криминализации. Эта идея обязывает нас лишь к очень слабому взгляду на соотношение между моральной неправомерностью и содержанием уголовного права. Например, это согласуется с мнением о том, что вред имеет центральное значение для решения вопроса криминализации определенного типа поведения. Однако некоторые виды поведения могут быть неправильными в силу того, что они вредны. И эта характеристика поведения дает основание для его криминализации [5, р. 16], потому что противоправное деяние всегда находится в области морали, но в большей степени в объективной реальности³. Тем не менее, эта точка зрения оставляет открытым вопрос на предмет того, что допустимо криминализировать поведение, которое не является противоправным, если это поведение является вредным, а также презюмирует возможность ситуаций, где имеет место какое-то противоправное поведение, а именно невинное противоправное поведение, которое нет оснований криминализировать.

Говоря о морали и нравственности в деле установления уголовно-правовых запретов, следует непременно указать на то, что обоснование криминализации должно начинаться с указания некоторых ценностей, которые могут быть идентифицированы как публичные, как часть самоопределения государства. Поэтому криминализируемое поведение должно нарушать эту ценность или угрожать причинением вреда тем благам, которые оно защищает, и утверждать, что это нарушение или угроза таковы, что тре-

³ Противоположной точки зрения придерживается Д.В. Мирошниченко, который считает, что «моральное содержание права носит априорный характер» [6, с. 333]. Однако это не всегда так, поскольку, иногда криминализируя определенную область отношений, государство навязывает обществу определенные стандарты поведения, тем самым формируя морально-нравственное поведение в некой области человеческого общежития.

буют общественного осуждения. Однако основная проблема здесь состоит в том, что ценности, которые разделяются обществом и государством, могут быть не идентичны. Вопрос состоит в том, что ценности, которые должно поддерживать государство, в некоторой степени зависят от его конкретных особенностей, и это в конечном итоге определяет контуры уголовно-правового регулирования. Это оставляет открытой возможность того, что существуют ценности, которые некоторые люди справедливо поддерживают, и поведение человека может быть неправильным в свете этих ценностей. Однако поскольку у государства нет оснований для одобрения этих ценностей, то насколько у него есть основания для криминализации этого противоправного поведения? Зависит ли здесь все от субъективных критериев определенных лиц, которые и формируют уголовно-правовую политику? И здесь следует особо подчеркнуть, что решения, оформленные в уголовном законе, являются решениями, принятыми людьми⁴. Люди – рациональные существа, которые могут рассуждать о моральных ценностях, или принимать во внимание эмпирические данные, или поддаваться влиянию общественного мнения, или полагаться на «здравый смысл» при принятии юридических решений. Но человеческая рациональность всегда ограничена или ограничена различными факторами, такими как несовершенная ин-

формация и когнитивные искажения. Таким образом, человеческий закон, в отличие от законов физики, отражает различные характеристики принятия решений человеком, которые также наблюдаются в других контекстах, таких как влияние эмоций и когнитивных искажений. Поэтому любая криминализация условна. Морально-нравственные предписания никогда не будут составлять основание криминализации, потому как они зачастую используются как «витрина», когда существует необходимость принятия определенного политического решения, обосновывающего появление нового уголовно-правового запрета. А на самом деле в основании такого решения лежат совсем иные критерии и теоретические постулаты, больше тяготеющие к элементу целесообразности принятия управленческого решения. Отсюда вытекает неизбежный вывод: государство не может с помощью уголовного права, как определенного средства (инструмента), поддерживать в обществе мораль, хотя на деле это зачастую происходит.

Общественная опасность имеет неопределенный характер, она не может быть величиной постоянной и никогда не сможет быть измерена формальными критериями. Сказанное свидетельствует о том, что в настоящее время криминализация не может основываться на старых догматах (в основном разработанных в советское время во второй половине XX века), поскольку новая реальность создает новые процессы криминализации, где «золотых правил» и типичных стандартов нет.

Итак, сегодня можно наблюдать тенденцию постепенного смещения контуров преступления с общественной опасности самого деяния в сторону безопасности, то есть установления превентивных мер защиты. Государство стремится решить проблемы безопасности в том числе и уголовно-правовыми средствами, посредством установления механизма социального управления обществом и криминализации любых отклонений от заданных стандартов и нормативных предписаний. В данном случае уголовный закон используется в качестве средства минимизации возможных рисков на более ранней стадии, что свидетельствует о том, что уголовное право в большей сте-

⁴ Д.В. Мирошниченко пишет о том, что «правовые положения, равно как и запрет на совершение преступлений, имеют авторитетный источник, и действительность уголовно-правовой нормы указывает на наличие в обществе института, который претендует на авторитет по отношению к другим членам общества, обязывая их соблюдать определенные стандарты. Это соблюдение выработано авторитетом вне зависимости от того, являются ли они оправданными по другим основаниям. Члены общества обязаны соблюдать публично-правовой стандарт и не могут считать его необязательным, ссылаясь на его необоснованность» [7, с. 67]. Но вопрос здесь и состоит в том, откуда же берется этот «авторитетный стандарт». Очевидно, что он не может появиться на пустом месте, и основой (уголовно-правовым фундаментом) такого стандарта могут выступать только морально-нравственные ценности. Другой вопрос, какие именно это ценности и в какую эпоху они были выработаны, так как право всегда динамично, как, впрочем, и сами ценности, подлежащие защите.

пени нацелено не на охрану существующих общественных отношений, а на утверждение требуемого общественного правопорядка. Поэтому можно сказать, что современная доктрина криминализации «оправдывает свободное, неограниченное конструирование уголовно-правовых запретов в целях обеспечения безопасности процесса социальной трансформации от любых минимально возможных и потенциальных угроз за счет формирования и поддержания посредством угрозы уголовного наказания необходимого морального статуса отдельных лиц и морального единства общества на основе тех ценностей, которые представляются смыслообразующими акторам социальной трансформации» [8, с. 163-164].

В парадигме безопасности акцент с деяния смещается в сторону субъекта – виновного и ответственного за поступки деятеля. Его ответственность формируется не в качестве индивидуальной модели преступление-ответственность, а в качестве социальной модели контроль-безопасность. Таким образом, если в пределах классической модели человек становится преступником только в момент совершения преступления, то в рамках парадигмы безопасности он становится общественно опасным, когда не подчиняется нормирующим его поведение институтам. Безопасность смещает акценты в сторону защиты не индивидуальных, а коллективных ценностей. Потребность в безопасности требует построения отдельной самостоятельной системы как в рамках уголовного права, так и за его пределами.

Заключение

Преступность – это всего лишь один из вызовов для безопасности (одна из форм девиации), но существует масса и иных маргинальных отклонений. Поэтому основная идея безопасности заключается в социальной защите, а точнее в предупреждении преступлений. И очевидно, что поскольку здесь не идет речь о совершенном противоправном деянии, то основной акцент смещается в плоскость личности, превенции его дальнейших действий. Следовательно, если сегодняшнее уголовное право имеет дело с констатацией преступления, и весь его арсенал направлен на возмездие за содеянное, то уголовное право безопасности направлено

на противодействие преступности на более раннем этапе. Особое значение в данном случае придается социальным смыслам, которые наполняют будущее противоправное деяние.

В этой парадигме [9, р. 11-12; 10, р. 21-25] не вред является центральным элементом системы, а потенциальная угроза его причинения⁵. Именно под эгидой угрозы причинения вреда осуществляются меры социальной защиты и безопасности. Поэтому государство вынуждено устанавливать систему ограничений и запретов на ранней стадии. И все это делается в рамках идеологии защиты общества и государства от потенциальных криминальных угроз. Но все же основная опасность здесь кроется в неопределенности и широкой степени оценочности номинальных рисков и лиц, которые могут быть к этому причастны. Это фикционный аспект проблемы, содержащий в себе момент, который основан на тотальном контроле над обществом.

Вместе с тем рассматриваемая ситуация, характерная для *предпреступлений*⁶, указывает прямым образом на то, что фактически осуществляется социальный контроль за поведением лица, и это не свойственно уголовному праву и не может породить отношения криминализации, поскольку речь здесь идет уже о другом объекте исследования. *Уголовное право безопасности* имеет своей целью воздействие на личность, которое еще не совершило общественно опасного деяния, и это не является

⁵ В зарубежном уголовном праве нет места общественной опасности в рамках структуры преступления. Исследования сферы действия уголовного закона часто фокусируются на принципе причинения вреда, принципе, согласно которому поведение может быть обоснованно криминализовано только в том случае, если оно причиняет вред или есть вероятность его причинения, что в итоге и определяет надлежащую сферу действия уголовного закона.

⁶ Предпреступление – это особое основание для оценки личности и избрания особой меры воздействия (безопасности) для такого лица. Опасность лица определяется характером его социального поведения. В такой конструкции мы расширяем усмотрение правоприменителя, субъективизм оценки конкретного лица, которое будет решать вопрос об избрании мер социальной защиты. Следовательно, понятие общественной опасности может быть увязано не с деянием лица, а с самой личностью.

преступлением в классическом понимании. Следовательно, в такой модели не характер и степень причиненного вреда наполняют преступление, а общественная опасность личности, поскольку именно субъект является источником конкретного общественно опасного поведения. Но в этой парадигме уголовного права социальной защиты нет места преступлению, поскольку мы имеем

дело с предпреступлениями. По этой причине в уголовном законе должна быть следующая норма: «К лицу, обладающему общественной опасностью, в целях предупреждения совершения преступлений могут применяться меры социальной защиты (безопасности). Порядок применения таких мер устанавливается специальными нормативными правовыми актами».

Список источников

1. Хилиута В.В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4. С. 44-50. <https://doi.org/10.18822/byusu20220444-50>, <https://elibrary.ru/lkbxeo>
2. Amster R. Lost in Space: The Criminalization, Globalization, and Urban Ecology of Homelessness. N. Y.: LFB Scholarly, 2008. 269 p.
3. Бондаренко В.Е. Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 28 с. <https://elibrary.ru/zpfxlp>
4. Кашепов В.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. и др. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2018. 280 с. <https://elibrary.ru/xqsaux>
5. Todros V. Wrongs and Crimes (Criminalization). Oxford: Oxford University Press, 2016. 352 p.
6. Мирошниченко Д.В. О моральной природе общественной опасности // Современный ученый. 2023. № 3. С. 329-334. <https://elibrary.ru/kyabio>
7. Мирошниченко Д.В. Критика уголовно-правовой онтологии. М.: Юрлитинформ, 2023. 400 с. <https://elibrary.ru/tfqpfy>
8. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформация в эпоху социальных перемен. М.: Юрлитинформ, 2023. 320 с. <https://elibrary.ru/riavqy>
9. Ormerod D., Laird K. Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 2021. 1158 p.
10. Philosophical Foundations of Criminal Law / ed. by R.A. Duff, S. Green. Oxford: Oxford University Press, 2011. 525 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199559152.001.0001>

References

1. Khilyuta V.V. (2022). Public danger and criminalization in the system of security measures. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Yugra State University Bulletin*, no. 4, pp. 44-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.18822/byusu20220444-50>, <https://elibrary.ru/lkbxeo>
2. Amster R. (2008). *Lost in Space: The Criminalization, Globalization, and Urban Ecology of Homelessness*. New York, LFB Scholarly Publ., 269 p.
3. Bondarenko V.E. (2014). *Osnovanie ugovolno-pravovoi okhrany i ee prekrashchenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Basis of Criminal Legal Protection and Its Termination. PhD (Law) diss. abstr.]. Saratov, 28 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zpfxlp>
4. Kashepov V.P., Golovanova N.A., Gravina A.A. et al. (2018). *Criminalization and Decriminalization as a Forms of Transformation of Criminal Legislation*. Moscow, Law Firm "Contract" Publ., 280 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xqsaux>
5. Todros V. (2016). *Wrongs and Crimes (Criminalization)*. Oxford, Oxford University Press, 352 p.
6. Miroshnichenko D.V. (2023). About the moral nature of the public danger of the act. *Sovremennyyi uchenyi = Modern Scientist*, no. 3, pp. 329-334. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kyabio>
7. Miroshnichenko D.V. (2023). *Kritika ugovolno-pravovoi ontologii* [Criticism of Criminal Legal Ontology]. Moscow, Urlitinform Publ., 400 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tfqpfy>
8. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. (2023). *Ugolovnaya politika i prestupnost': transformatsiya v epokhu sotsial'nykh peremen* [Criminal Policy and Crime: Transformation in an Era of Social Change]. Moscow, Urlitinform Publ., 320 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/riavqy>
9. Ormerod D., Laird K. (2021). *Criminal Law*. Oxford, Oxford University Press, 1158 p.

10. Duff R.A., Green S. (eds.). (2011). *Philosophical Foundations of Criminal Law*. Oxford, Oxford University Press, 525 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199559152.001.0001>

Поступила в редакцию / Received 28.08.2023

Поступила после рецензирования / Revised 08.11.2023

Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](#) Всемирная